

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА В. В. КРЮКОВА

Всё дальше отступают в прошлое годы Великой Отечественной войны, уже почти не осталось в живых реальных участников её боевых событий, а в исторической памяти ныне живущих поколений сплошь и рядом не оказывается места для многих достойнейших участников той войны, внёсших существенный вклад в великую Победу советского народа. К числу полузабытых, к сожалению, военачальников относится и Владимир Викторович Крюков (1897–1959), хотя жителей Брянщины подобная «забывчивость» совсем не украшает. Не будем, впрочем, заранее навязывать какие-то выводы, а попробуем мысленно перелистать отдельные страницы жизни этого незаурядного человека.

Родился будущий генерал в 1897 г. в семье почтового служащего в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии. Хотя «малая родина» Володи Крюкова называлась слободой, но в реальности это было довольно большое поселение, где в конце XIX в. проживало свыше 23 тысяч человек. В семье Крюковых росло 5 детей, так что особым достатком она не отличалась, тем более что глава семьи, будучи порядочным человеком, отказывался заниматься по требованиям начальства перлюстрацией поступающих на почту писем и поэтому продвижения по службе почти не имел. Но в 1914 г. Владимиру всё же удалось закончить реальное училище.

После начала Первой мировой войны он в 1915 г. поступил вольноопределяющимся в запасной полк, откуда и был направлен в школу прапорщиков, по окончании которой оказался в 1916 г. на фронте: сначала – поручиком Рязанского пехотного полка, затем – начальником конной разведки Сибирского стрелкового полка на Закавказском фронте. В 1917 г. был избран членом полкового комитета совета солдатских делегатов.

В августе 1918 г. В. В. Крюков в составе красногвардейского отряда Г. К. Петрова попал в Баку (командир отряда был позже расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров), тяжело переболел тифом, но выздоровел и вернулся в родные места. Участвовал на Южном фронте в боях против войск А. И. Деникина, командовал кавалерийской сотней, позже стал командиром полка. Был ранен.

В 1922 г. В.В. Крюкова направили на учёбу в Высшую кавалерийскую школу в Петрограде. Здесь его однокурсниками оказались Г. К. Жуков, И. Х. Баграмян и некоторые другие известные в будущем военачальники. По окончании учёбы стал командиром полковой школы в 3-й Кавказской бригаде. В 1933–1937 гг. Владимир Викторович командовал полком в составе 4-й дивизии, находившейся в Белорусском военном округе (дивизией в то время командовал Г. К. Жуков). Именно в те годы прежнее близкое знакомство В. В. Крюкова с Г. К. Жуковым переросло в дружбу: командиры вместе отдыхали, встречались семьями.

Супруга В. В. Крюкова, Клавдия Ивановна, была из тех преданных офицерских жён, для которых успехи и трудности военной службы их мужей были важной частью их собственной жизни, а главным являлось поддержание в тепле и уюте нехитрых семейных очагов и забота о том, чтобы их мужья были здоровы и ухожены. В ноябре 1935 г. у супругов Крюковых родилась дочь Маргарита.

В 1937–1939 гг. В. В. Крюков преподавал тактику на Краснознамённых кавалерийских курсах командного состава в г. Новочеркасске, а во время советско-финской войны был в январе 1940 г. направлен на фронт. Здесь 35-й стрелковый полк, которым он командовал, отличился при прорыве «линии Маннергейма» и был награждён орденом Красного Знамени, а командир полка – орденом Ленина. Вскоре В. В. Крюкова назначили командиром 8-й стрелковой бригады, а в июне 1940 г. ему было присвоено звание генерал-майора.

Но в конце того же года появился слух, что В. В. Крюков арестован. Имел ли место в действительности кратковременный арест генерала, либо кем-то была пущена молва с целью опорочить удачливого командира – точных сведений нет. Во всяком случае, слух этот дошёл до жены В. В. Крюкова, жившей в это время в Москве. Зная, вероятно, какими последствиями зачастую сопровождались подобные аресты, и опасаясь самого худшего, Клавдия Ивановна покончила с собой, выпив уксусной эссенции и скончавшись в январе 1941 г. в тяжких мучениях. Пятилетняя Маргарита осталась без матери, и заботу о девочке взяла на себя по просьбе тяжело переживавшего эту трагедию Владимира Викторовича его сестра, Клавдия Викторовна Былова.

Начало Великой Отечественной войны В. В. Крюков встретил в должности командира 198-й мотострелковой дивизии, находившейся под Ленинградом, а затем его дивизия была переброшена под Выборг, где в августе 1941 г. попала в окружение, но смогла вырваться, хотя и потеряла значительную часть личного состава и почти всю технику, почему и была затем переформирована в 198-ю стрелковую дивизию.

В конце 1941 г. В. В. Крюков получил приказ о переводе на Западный фронт, части которого в это время вели успешное наступление, отгоняя немецкие войска от Москвы. Не исключено, что инициатором этого перевода был Г. К. Жуков, командовавший Западным фронтом. В январе 1942 г. В. В. Крюков был назначен командиром 10-го кавалерийского корпуса, а в марте – переведён на ту же должность во 2-й гвардейский кавалерийский корпус, которым ранее командовали прославленные генералы Л. М. Доватор, а затем – И. А. Плиев.

Основу корпуса составляли 3-я и 4-я гвардейские кавалерийские дивизии (командовали ими полковники М. Д. Ягодин и Г. И. Панкратов), укомплектованные преимущественно казаками Кубани и Ставрополя. Поэтому В. В. Крюков, став командиром корпуса, приказал личному составу этих дивизий нашить на штаны (галифе) лампасы, а тыловым службам получить на складах кубанки, папахи, бурки и башлыки. Так в Красной Армии впервые реально появился казачий корпус, хотя слово «казачий» в названии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и отсутствовало, в отличие от сформированных в ноябре 1942 г. гвардейских 4-го Кубанского и 5-го Донского казачьих корпусов, которые, впрочем, к военным событиям на Брянщине отношения не имели. В состав 2-го гвардейского кавалерийского корпуса была включена также 20-я кавалерийская дивизия (командир – полковник П. Т. Курсаков), но она первоначально корпуса гвардейской не имела.

Весной 1942 г. 2-й гвардейский кавалерийский корпус в составе войск Западного фронта продолжал участвовать в боях на гжатско-сычёвском направлении, но в целом наступательные возможности фронта оказались исчерпанными. Многочисленные потери не давали существенных результатов, К маю на фронте наступило некоторое затишье. Нуждались в отдыхе и пополнении и части корпуса В. В. Крюкова.

Именно в эту пору произошло очень важное событие в жизни генерала. В мае 1942 г. он познакомился с выступавшей перед бойцами его корпуса замечательной исполнительницей русских песен Лидией Андреевной Руслановой (1900–1973), а в июле того же года прославленная певица стала женой В. В. Крюкова. На наш взгляд, верные слова о счастливом для двух замечательных людей событии нашёл В. Д. Сафошкин, современный исследователь жизни и творчества великой певицы: «Лидия Андреевна... полюбила Владимира Викторовича не за генеральские погоны ..., а за его добрую русскую душу, его совесть, его сердце, способное сострадать вне зависимости от чина человека, за его жертвенное отношение и к своему бранному делу, и к своим родным – этому отдавал он силы и самого себя без остатка. Да ещё за врождённую его

любовь к русской песне, ко всему русскому, которую не смогли пересилить кровавые военные будни».

Л. А. Русланова стала для В. В. Крюкова и любящей женой, и глубоко уважаемым талантливым другом, и хорошей хозяйкой, и заботливой матерью для его дочери Маргариты. Понимая тоску отца по разлуке с дочерью, находившейся в эвакуации в Ташкенте, Лидия Андреевна в первый же небольшой перерыв между концертными фронтовыми выступлениями поехала в Ташкент и привезла девочку в Москву, став для Маргариты второй матерью – доброй и заботливой, строгой и всепрощающей. Когда же Л. А. Руслановой удавалось навещать находящегося на фронте мужа, она не чуждалась никакой работы: и еду готовила, и убирала, и стиркой занималась. Но такое случалось нечасто. Ведь за годы Великой Отечественной войны Лидия Андреевна выступила перед советскими бойцами более тысячи раз, а сам В. В. Крюков порой неделями вместе со своими конниками не выходил из тяжёлых боёв.

Такими, в частности, были крупномасштабные военные события на ржевском направлении в конце 1942 – начале 1943 гг. (в советское время о них предпочитали умалчивать из-за незначительности достигнутых результатов), где советские войска понесли очень большие потери. Значительными они были и в конном корпусе В. В. Крюкова, особенно в 20-й кавалерийской дивизии. Дело в том, что участвуя в наступлении, дивизия одна из немногих сумела прорвать немецкую оборону, но без поддержки соседей оказалась в окружении. Сразу вернуться назад не удалось, и кавалерийской дивизии пришлось более полутора месяцев вести боевые действия в тылу врага. Неся большие потери от постоянного боевого воздействия противника, от холода, голода, болезней, не получая поддержки ни боеприпасами, ни медикаментами, ни продовольствием и фуражом, конники 20-й дивизии всё же вырвались из окружения в середине января 1943 г. Естественно, все вышедшие (в большинстве – раненые, больные, обмороженные) нуждались в отдыхе и лечении, а сама дивизия – в очень существенном пополнении.

Другие дивизии корпуса, находившегося в начале 1943 г. в резерве, в феврале были переброшены на станцию Ефремов в Тульской области и временно размещены в окрестных сёлах и деревнях. В ночь на 14 февраля части 2-го гвардейского корпуса были подняты по тревоге и получили приказ походным порядком проделать 400-километровый марш к району, недавно освобождённого г. Дмитриева-Льговского, откуда намечалось начать наступательную операцию.

К этому времени победоносно завершилась Сталинградская битва и началось крупномасштабное наступление советских войск. Освободивши-

еся под Сталинградом войска Донского фронта под командованием К. К. Рокоссовского начали переброску в район Курска, где стали основой для создания Центрального фронта, который уже 15 февраля должен был начать наступление. Однако из-за тяжелейших погодных и транспортных условий большая часть соединений фронта к этому сроку даже не вышла в район сосредоточения, а тылы безнадежно отстали. Поэтому начало наступления было перенесено на 25 февраля.

Наступление Центрального фронта предполагалось как часть крупнейшей стратегической операции советских войск с участием 5 фронтов: Калининского, Западного, Брянского, Центрального и Воронежского, и имело целью окружить и разгромить центральную группировку немецких войск. Позже К. К. Рокоссовский писал по этому поводу: «Предпринимая столь грандиозную операцию, ... Ставка ВГК допустила грубый просчёт, переоценив свои возможности и недооценив возможности врага». В результате, в ходе начавшихся в феврале-марте 1943 г. боёв частичного успеха достигли лишь войска Центрального фронта, в первую очередь – конно-стрелковая группа генерала В. В. Крюкова и 11-й танковый корпус генерала И. Г. Лазарева из состава 2-й танковой армии генерала А. Г. Родина. В состав конно-стрелковой группы входили 2-й гвардейский кавалерийский корпус (за исключением 20-й кавалерийской дивизии), 28-я, 29-я и 30-я отдельные лыжные стрелковые бригады, сформированные в основном из 18-19-летних юношей соответственно в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях, а также некоторые вспомогательные части.

1 марта 1943 г. советские танкисты, мотопехотинцы и конники 4-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майора Г. И. Панкратова (незадолго до начала наступления комдивы М. Д. Ягодин и Г. И. Панкратов стали генерал-майорами, а В. В. Крюков – генерал-лейтенантом) ворвались в Севск и после напряжённого 5-часового боя к 22 часам освободили основную часть города (несколько последних очагов сопротивления врага были уничтожены лишь к утру 2 марта). В последующие несколько дней наступающие советские войска, включая дивизию генерала М. Д. Ягодина и подошедшие сибирские стрелковые бригады, освободили всю территорию Севского района, южную часть Суземского района, а также прилегающие с юга украинские территории, включая важный железнодорожный узел Хутор-Михайловский. Передовые конные разьезды 2-го кавалерийского корпуса доходили до Десны близ г. Новгорода-Северского и посёлка Белая Берёзка Трубчевского района.

Тем временем положение конно-стрелковой группы В. В. Крюкова всё более осложнялось. Остро ощущалась нехватка боеприпасов, про-

довольствия, фуража — частично выручали лишь захваченные у противника трофеи. По приказу Ставки командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский перенацелил войска 2-й танковой армии, ранее взаимодействовавшие с мотострелковой группой, на комаричско-локотское направление, что, помимо всего, фактически «оголяло» северный фланг освобождённой территории. Незащищённым оказался и южный фланг из-за неудачи наступательных действий 60-й армии Воронежского фронта. А противник тем временем срочно перебрасывал сюда и людские силы, и технику. Южнее, западнее и севернее территории, контролируемой конно-стрелковой группой, немецкое командование сосредоточило 6 немецких и венгерских дивизий, около 300 танков и бронетранспортёров. В воздухе господствовала немецкая авиация.

В этих условиях К. К. Рокоссовский отдал 10 марта приказ В. В. Крюкову отвести войска на восток и занять оборону от села Новоямского до Севска, но спокойно провести такой отход не удалось. Дело не в «самовольстве» или беспечности В. В. Крюкова, в чём его позже упрекнул командующий. При форсированном отходе отступающие войска были бы, скорее всего, смяты и разгромлены превосходящими силами противника, не нанеся ему серьёзного урона. Вот почему В. В. Крюковым было принято решение отходить от одного промежуточного рубежа к другому, стараясь на каждом нанести врагу как можно больше потерь.

10-11 марта немецко-венгерские войска перешли в контрнаступление. И в эти, и в последующие дни бои носили очень упорный характер. На помощь конно-стрелковой группе В. В. Крюкова были направлены 11-я гвардейская танковая бригада полковника Н. М. Бубнова и прибывшая с Дальнего Востока 7-я кавалерийская дивизия полковника И. И. Смирнова, основную часть которой составляли уроженцы Дагестана. Но противник продолжал иметь значительный перевес в живой силе и технике, и в такой ситуации удержать ранее освобождённые территории оказалось невозможным, несмотря на многочисленные примеры героизма и самопожертвования, которые показывали бойцы конно-стрелковой группы и их боевые товарищи и в боях на подступах к Севску, и в уличных сражениях в самом городе, продолжавшихся с 19 до 27 марта.

Лишь когда у защитников Севска иссякли все оборонительные ресурсы, город, полуразрушенный и сожжённый немецкими огнёмными танками, был оставлен, а немногие уцелевшие советские воины (среди них был и генерал Крюков) перешли на правый берег реки Сев, где начала обустриваться новая линия обороны, которая позже стала частью знаменитой «Курской дуги». Но оставление Севска без приказа вышестоящего командования не прошло для В. В. Крюкова бесследно, и вскоре

он был понижен в звании до генерал-майора, однако командиром 2-го гвардейского кавалерийского корпуса остался. Подробнее о героизме и трагичности мартовских боёв в Севске и близких к нему местах можно узнать в 7-й главе первого тома нашей книги «История Севска и окрестных мест». Назовём лишь одну цифру: из примерно 20 тысяч бойцов конно-стрелковой группы В. В. Крюкова в марте 1943 г. погибло более 15 тысяч. Не случайно вскоре были расформированы и все сибирские отдельные бригады, и 7-я кавалерийская дивизия, а 2-й гвардейский кавалерийский корпус и 11-я гвардейская танковая бригада хотя и сохранились, но по сути создавались заново.

Какова же была последующая судьба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и его командира? Остатки корпуса были выведены в резерв в район города Задонск, пополнились за счёт расформированных частей (к лету 1943 г. численность кавалерии в Красной Армии была заметно сокращена) и новобранцев; в корпус вернулась 20-я кавалерийская дивизия. Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая опыт использования кавалерийских корпусов, в том числе – в Севской операции, существенно изменила их штатную организацию. В состав кавалерийских корпусов включалось значительное количество артиллерии, в том числе – противотанковой и зенитной, в результате чего имевшиеся конно-артиллерийские дивизионы были развёрнуты в артиллерийско-миномётные полки. Корпуса получали лёгкие и средние танки, самоходные артиллерийские установки, а также собственные тыловые формирования на автотранспорте. Всё это превращало прежние кавалерийские части в модернизированные соединения конно-механизированных войск, способных к быстрому маневрированию и нанесению неожиданных ударов по противнику.

Не останавливаясь далее на всех операциях, в которых участвовали воины 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, нельзя не отметить особую роль, которую корпус сыграл во время Брянской наступательной операции в сентябре 1943 г. Направленный по приказу командующего Брянским фронтом генерала М. М. Попова в прорыв севернее Брянска, корпус В. В. Крюкова освободил многие населённые пункты Жуковского, Дубровского и Рогнединского районов, перерезал железную дорогу Брянск–Рославль и создал угрозу окружения брянской группировке врага, а также его войскам, оборонявшим рубеж Людиново–Дятьково. Однако сами конники, оторвавшиеся от других соединений, вскоре попали в очень трудное положение и более двух суток были вынуждены вести бои практически в условиях окружения. Однако они удержали плацдарм за Десной до подхода пехотных дивизий (в первую очередь – 108-й),

во многом обеспечив последующий успех наступления войск Брянского фронта.

Смелые боевые действия и мужество бойцов-кавалеристов были отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего: «2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора Крюкова в боях при форсировании Десны 11-15 сентября 1943 года показал образцы отличной выучки, стойкости и умения маневрировать. Части корпуса, прорвавшись в тыл противника, форсировали реку Десну, захватили плацдарм на западном берегу и удерживали его в течение четырёх дней до прихода нашей пехоты, отбив многочисленные атаки крупных сил немцев, поддержанных танками и авиацией».

«За смелые и решительные действия» корпус был награждён орденом Красного Знамени, а входившая в состав корпуса 20-я дивизия под командованием П. И. Курсакова преобразована в 17-ю гвардейскую дивизию. Награждены были многие командиры и бойцы 2-го гвардейского Краснознамённого кавалерийского корпуса. Интересно, что с лета 1943 г. до окончания войны командный состав корпуса (командующий корпусом, командиры дивизий, включая возвращённого на прежнюю должность генерала М. Д. Ягодина) не изменился.

В последующих боевых действиях бойцы корпуса В. В. Крюкова, вновь ставшего генерал-лейтенантом, хорошо проявили себя в Мозырско-Калинковичской операции в Белоруссии, в Люблинско-Брестской операции, с которой началось освобождение Польши, и особенно при прорыве «Померанского вала». По окончании этой операции В. В. Крюков был удостоен звания Героя Советского Союза, а командиры входивших в состав корпуса дивизий получили высшие полководческие награды — ордена Суворова I степени. Потом, в самом конце войны, были бои севернее Берлина, а чуть позже, уже в поверженном Берлине, был концерт на ступеньках рейхстага, где перед бойцами-победителями выступали казачий ансамбль песни и пляски 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и замечательная русская певица Лидия Андреевна Русланова, жена командира корпуса.

Этот, может быть, главный в её жизни концерт стал особенно памятным и для певицы, и для всех, кто её слушал и ей аплодировал. А вскоре, во время смотра частей 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, Г. К. Жуков пригласил присутствовавшую на смотре Л. А. Русланову на трибуну и публично наградил её орденом Отечественной войны I степени, снятым со своего мундира. Позже это награждение было официально утверждено приказом Военного совета 1-го Белорусского фронта за подписями Г. К. Жукова и члена Военного совета генерал-лейтенанта К. Ф.

Телегина – «за успешное выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленную при этом доблесть и мужество, за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами» (на средства певницы были оборудованы две батареи гвардейских миномётов – «катюш»). Орденами и медалями были награждены и ещё 27 артистов, наиболее активно выступавших перед бойцами (в июне 1947 г. за эти приказы Г. К. Жукову был объявлен выговор, К. Ф. Телегин – уволен из Вооружённых сил и вскоре арестован, а награждения – аннулированы).

Прошло немного времени, и чувство радости в связи с великой Победой для Л. А. Руслановой, В. В. Крюкова и многих их сослуживцев стало сменяться тревогой, поскольку уже в 1946 г. начались аресты среди известных военачальников. Продолжались они и в 1947, и в 1948 годах. Органы госбезопасности готовили громкое дело о «заговоре военных» под руководством Г. К. Жукова. Совершалось это по прямому указанию И. В. Сталина. Арестованный позже министр госбезопасности В. С. Абакумов в своём последнем слове на суде, приговорившем его к расстрелу, заявил: «Я ничего не делал сам. Сталиным давались указания, а я их выполнял».

Среди арестованных оказались главком ВВС, главный маршал авиации А.А. Новиков, уже упоминавшийся генерал-лейтенант К. Ф. Телегин, близко знавшие Г. К. Жукова генералы И. С. Варенников, Л. Ф. Минюк, В. Г. Терентьев и ряд других лиц. Не избежали этой участи и В. В. Крюков, и его жена Л. А. Русланова.

Генерал был арестован утром 18 сентября 1948 г. во время отпуска, когда он находился на своей московской квартире вместе с дочерью Маргаритой. В тот же день в Ульяновске была арестована Л.А. Русланова, находившаяся там на гастролях. И В.В. Крюков, и привезённая в Москву Л.А. Русланова были доставлены в Бутырскую тюрьму, где с ними начали «работать» следователи (их фамилии известны, но называть их совершенно нет желания). «Работали» и с арестованными вскоре сотоварищами певицы по выступлениям: конферансье Алексеевым и баянистом Максаковым.

Если от В. В. Крюкова пытались получить, в первую очередь, показания о заговорщической деятельности Г. К. Жукова, то Л. А. Русланову обвиняли в том, что она «распространяет клевету о советской действительности и с антисоветских позиций осуждает мероприятия партии и правительства, проводимые в стране».

Лишь после смерти в марте 1953 г. И. В. Сталина некоторые из арестованных военных в своих письмах, адресованных в ЦК КПСС и в

Президиум Верховного Совета СССР, с просьбой о пересмотре их дел, поведали о методах, с помощью которых следователи пытались сломить арестованных и заставить их подписать заведомо ложные показания.

Вот небольшой отрывок их письма К.Ф. Телегина: «26 февраля 1948 г. руководство МГБ..., не удовлетворившись моими показаниями, ... отправляет меня в Лефортовскую тюрьму и в тот же день, вечером, ... я подвергся жесточайшему избиению резиновыми дубинками... До камеры меня уже тащат два надзирателя, я не мог двигаться. 27, 28, 29 февраля, 1 и 2 марта я подвергаюсь вновь жестокому избиению. Я стал безумен, не мог ходить, не разрешали лежать, не мог сидеть, ... дошёл до крайнего напряжения нервной системы, боль и шум в голове окончательно подорвали силы; ум, сердце и воля были парализованы. Шесть месяцев я не мог сидеть, ходить начал понемногу на 4-й месяц. Истязатели вырвали из тела куски мяса, повредили позвоночник, бедренную кость, били по ногам. Всё это привело меня к полному отчаянию, совершенному безразличию к своей судьбе, оставалось только одно желание – скорей конец, скорей смерть, конец мучениям...»

Если сознание К. Ф. Телегина от подобных истязаний помрачалось лишь временами, то психика другого арестованного генерала, И. С. Варенникова, который прошёл все эти «круги ада» и всё-таки отказался подписать ложное обвинение, не выдержала физических и моральных мук, – генерал помешался разумом и был помещён в психиатрическое отделение санчасти Бутырской тюрьмы. В 1951 г. судебно-психиатрическая экспертиза признала его душевнобольным. Наверняка на психику И. С. Варенникова повлияло и полученное им в тюрьме известие, что его жена и старшая дочь обвинены в антисоветской пропаганде и вся семья на 10 лет выслана на спецпоселение в Новосибирскую область. В начале 1953 г. генерала признали «вменяемым» и отправили в лагерь.

Через подобные испытания прошли и другие арестованные, в том числе – Владимир Викторович Крюков. В своём письме в адрес ЦК КПСС он эмоционально сдержан: «На протяжении месяца я проводил бессонные ночи в кабинете следователя. Обычно вызывали на допрос в 10-12 дня и держали до 5-6 часов вечера, затем в 10-11 часов вечера до 5-6 часов утра, а подъём в тюрьме в 6 часов утра. Я понимал, что это... один из методов следствия, чтобы заставить меня говорить то, что нужно следователю... Естественно, я ничего не мог показать, так как ни в каком заговоре не принимал участия и никогда не верил, чтобы маршал Жуков был организатором несуществующего заговора».

Не добившись желаемых результатов, В. В. Крюкова направили в Лефортовскую тюрьму, где с ним «работали» те же следователи, что ра-

нее допрашивали К. Ф. Телегина, И. С. Варенникова и некоторых других арестованных ранее военных. Методы допроса были теми же: оскорбления, угрозы и, наконец, избиения, которые продолжались днём и ночью в течение четырёх суток. Высказанная вскоре после ареста угроза: «Будешь упорствовать, будем бить и искалечим на всю жизнь», — оказалась реальной. В последующие дни избиения чередовались с увещеваниями. Доведенный до очень тяжёлого состояния, В. В. Крюков, наконец, согласился подписать показания, где признавал, что «везде и всюду восхвалял Жукова и... укрывал... преступления Жукова» (характер «преступлений» в протоколах не указан).

В своём письме в ЦК генерал (впрочем, в это время он был всего лишь арестантом) корил себя за проявленную слабость, но выражал надежду, что «придёт время, и я смогу сказать правду».

Что касается Лидии Андреевны Руслановой, то ей после ареста также довелось пройти через многие унижения: многочасовые допросы, длительное пребывание в холодном карцере и т.д. Были и избиения (правда, менее зверские, чем в отношении мужчин). В октябре 1949 г. её приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей «за антисоветскую агитацию» и направили в особый закрытый лагерь (Озерлаг) близ Тайшета. Униженная, но не сломленная певица и здесь сохранила свой твёрдый характер, не пыталась угождать начальству и пользовалась уважением своих подруг по несчастью. Это не понравилось лагерному начальству, и по его представлению Л. А. Русланову как вредно влияющую на других заключённых перевели в главную политическую тюрьму — Владимирский централ. Здесь она и находилась вплоть до освобождения. Так что бытующие порой рассказы о пребывании певицы на Колыме и ещё во многих местах (в своё время руку к ним приложил известный тележурналист А. Караулов — вот пример «достоверности» нашего телевидения) — не более чем досужие выдумки.

Несколько позже в лагере близ Тайшета оказался и Владимир Викторович Крюков, осуждённый Военной коллегией на 25 лет ИТЛ. За что же он и некоторые другие генералы получили столь суровые наказания? Совершенно чётко объяснил ситуацию в упомянутом письме К. Ф. Телегин: «Когда следствие убедилось в полном провале своей попытки «создать военный заговор», ... оно создало дело о расхищении социалистической собственности» (речь идёт о трофейном имуществе).

После окончания войны, действительно, немалое количество культурных и материальных ценностей было вывезено с оккупированной территории Германии в Советский Союз. Если возвращавшиеся домой солдаты везли с собой какие-то «мелочи», если «трофеи» большинства

офицеров ограничивались часами, музыкальными инструментами или бытовыми приборами, то «аппетиты» немалой части высшего офицерства и командного состава, особенно располагавшего транспортом, были намного шире. К примеру, генерал армии И. А. Серов, бывший в первой половине 1945 г. заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жукова и одновременно уполномоченным НКВД по фронту, а с середины 1945 до конца 1946 г. – заместителем главнокомандующего Советской военной администрации в Германии, награбил огромное количество имущества, которое вагонами отправлял в Москву – отнюдь не для государства. Однако ни при И. В. Сталине, ни при Н. С. Хрущёве И. А. Серов не понёс за это никакого наказания и даже был повышен по службе, став в 1947 г. первым заместителем министра внутренних дел СССР, а в 1954 г. – председателем КГБ при Совете Министров СССР. Лишь в 1963-1965 гг. его «за недостойные поступки» понизили до генерал-майора, лишили звания Героя Советского Союза, исключили из партии и отправили в отставку. Но особых «угрызений совести» этот «делец» не испытывал и прожил до 1990 г.

Не удержался от соблазна, завладеть частью трофейного добра и Г. К. Жуков. Когда в январе 1948 г. по личному указанию И. В. Сталина работниками госбезопасности был произведён негласный обыск на подмосковной даче маршала в пос. Рублёво, их глазам предстало нечто среднее между складом, антикварным магазином и музеем, где хранилось «огромное количество различного рода товаров и ценностей». Вот лишь кое-что из обнаруженного: более 4000 метров шерстяных, шёлковых, бархатных и других тканей, более 320 ценных меховых шкур, 60 картин больших размеров в золочёных рамах, более 40 дорогостоящих больших ковров и гобеленов, 7 больших ящиков фарфоровых и хрустальных сервизов столовой и чайной посуды, 8 художественно отделанных аккордеонов, 20 уникальных охотничьих ружей и т.д. «Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды и украшений и кончая занавесками на окнах – заграничная, главным образом немецкая». Любопытно ещё одно предложение из поданной И. В. Сталину секретной докладной записки: «На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплётах с золотым теснением, исключительно на немецком языке» (к слову, Г. К. Жуков немецкого языка не знал, а книги служили лишь украшением интерьера). И. В. Сталин распорядился конфисковать «трофейное» имущество Г. К. Жукова, включая найденные на его московской квартире золотые вещи и драгоценности, но к какой-то ответственности маршал привлечён не

был — дело ограничилось его переводом в феврале 1948 г. из Одесского военного округа в Уральский.

В то же время боевым соратникам Г. К. Жукова, находившимся в тюрьме, в том числе — В. В. Крюкову, к прежним обвинениям политического характера, которые выглядели совсем неубедительно, добавили обвинения в присвоении трофейного имущества, что во многом не соответствовало реальности.

Так, в московской квартире, где жила семья Крюковых, из всех «трофейных» вещей оказалось только два радиоприёмника. Правда, на их другой квартире и на даче были обнаружены также привезённые из Германии несколько отрезков тканей, небольшое количество мехов и посуды, кое-какие сувениры — но всё это был сущий мизер по сравнению с тем, что привезли из Германии многие военные. Ведь В. В. Крюков и Л. А. Русланова были настоящими русскими людьми, любившими всё своё — русскую литературу, русскую живопись, отечественную мебель, русские песни, и совсем не зарились на заграничное.

Тем не менее, в опись их подлежащего конфискации имущества были включены не только немногочисленные «трофейные» вещи (к тому же не изъятые насильственно, а купленные), но и приобретённые Л. А. Руслановой, в основном до супружества с В. В. Крюковым, золотые украшения, драгоценности, старинная мебель, картины русских художников. Включены в эту опись были и легковой автомобиль, подаренный В. В. Крюкову Верховным Главнокомандующим, и разное другое имущество.

И вновь возникает тот же вопрос: за что В. В. Крюков был осуждён на 25 лет лагерей с конфискацией имущества? Разумного ответа на него не находится.

После смерти И. В. Сталина обстановка в стране стала постепенно меняться к лучшему. Кончилась «опала» Г. К. Жукова, который был назначен первым заместителем министра обороны. Он постарался убедить политическое руководство страны ускорить пересмотр дел по мифическому «военному заговору». Раньше других освободили и полностью реабилитировали Лидию Андреевну Русланову, которая вернулась в Москву в начале августа 1953 г. Через пару недель из далёкого Тайшета приехал Владимир Викторович Крюков, одетый в лагерные штаны и телогрейку, измождённый от всего пережитого. На перроне его с любовью встретила жена, и главным для встретившихся после долгой разлуки супругов было чувство радости, что они — снова вместе.

Больше других радовалась возвращению родителей их дочь Маргарита, повзрослевшая и ставшая к тому времени студенткой Московского

университета. Вновь начались встречи с добрыми друзьями и приятелями. Но возвращение к прежней жизни не было лёгким и простым. В прежней квартире Крюковых жила уже другая семья, так что пришлось устраивать новое жильё. Основная часть их конфискованного имущества бесследно исчезла, и никакой компенсации за него В. В. Крюков и Л. А. Русланова не получили. Из конфискованных картин около трёх десятков ценных живописных полотен также где-то «затерялись», так что Лидия Андреевна утратила вкус к собирательству (ведь она хотела собранную ею богатую живописную коллекцию передать одному из отечественных художественных музеев), убедившись, что частное коллекционирование в существующих условиях крайне ненадёжно.

Владимиру Викторовичу вернули его звание генерал-лейтенанта, заслуженные им награды, но значительно ухудшившееся состояние здоровья не позволило ему продолжить военную службу. Более половины оставшегося ему в жизни времени ушло на пребывание в госпиталях.

Главное, что волновало Лидию Андреевну, – сможет ли она вернуться на сцену и снова радовать слушателей исполнением русских песен. Ведь после возвращения из тюрьмы в её голосе стало меньше гибкости, он стал грубее и жёстче. Началась многотрудная работа по восстановлению прежней силы и лёгкости голоса. Наконец, певица почувствовала, что готова к возвращению на сцену.

Её первое выступление после возвращения из тюрьмы состоялось в 1955 г. в концертном зале имени Чайковского. Все билеты были проданы задолго до концерта. Когда же Лидия Андреевна появилась на сцене, то в течение 20 минут не могла начать петь. Все зрители стоя аплодисментами приветствовали любимую певицу. Она кланялась зрителям, прикладывала руку к сердцу, благодаря их, но овации не смолкали. Вот что вспоминала об этом концерте Маргарита Владимировна, дочь певицы: «Я была в зале и видела, как мама волнуется, как у неё перед первой песней дрожали губы. Но мама была сильным человеком и быстро взяла себя в руки. А папа, чтобы уберечься от непомерного волнения, слушал концерт дома по радио. Мама очень оберегала и любила его, она и сама побаивалась, что папино присутствие на концерте добавит волнений им обоим».

После этого прошедшего с триумфом концерта начались многочисленные поездки Л. А. Руслановой по стране, и её с радостью принимали во всех городах и селениях. Но был в этих выступлениях годичный перерыв – 19 августа 1959 г. скончался Владимир Викторович Крюков. «Всего шесть лет прожил на свободе папа, – вспоминала эти трагические

дни их дочь. – Врачи сказали, что его сердце висело не на волоске, а на паутинке. Мама очень тяжело переживала кончину отца – около года она «молчала», но надо было продолжать жить, и она, несмотря на тяжесть этого горя, снова начала петь – она не мыслила своей жизни без любимого дела».

Последние годы жизни Лидия Андреевна частенько болела, но находила силы преодолеть хворь и вновь куда-нибудь уезжать для очередного концерта, для новой встречи со зрителями. В 1971 г. беседы с замечательной певицей, сопровождавшиеся исполнением русских песен, были впервые показаны по советскому телевидению и вызвали многочисленные доброжелательные отклики. В августе 1973 г. Л. А. Русланова совершила своё последнее концертное турне, выступив в Ростове-на-Дону и Таганроге, а в сентябре того же года великая, любимая народом певица была похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище, рядом с могилой своего любимого мужа Владимира Викторовича Крюкова.

Литература

- Батов П. И. В походах и боях. – М., 1966.
- Болдин И. В. Страницы жизни. – М., 1961.
- Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Люди. События. Факты. – Брянск, 2008, 2010.
- Крашенинников В. В. История Севска и окрестных мест. Т. I. – Брянск, 2011.
- Мирошников Г. И. Севская драма. // «Военно-исторический архив», №3 (39), 2003.
- Попов М. М. Фланговый удар Брянского фронта. // «Военно-исторический журнал», № 10, 1959.
- Рокоссовский К. К. Солдатский долг. – М., 1988.
- Сафошкин В. Д. Лидия Русланова. Жизнь в песне. – М., 2003.
- Севрюгов С. Н. Так это было. Записки кавалериста. (1941–1945). – М., 1957.
- Стронгин В. Л. Тюрма и воля Лидии Руслановой. – М., 2005.
- Теремов П. А. Пылающие берега. – М., 1962.
- Черушев Н. С. «Невиновных не бывает...» Чекисты против военных. 1918–1953. – М., 2004.